

Научная статья
УДК 353.13
DOI 10.18101/2658-4409-2023-3-29-34

**АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ
ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СУДОМ
ВИДЕОТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

© Самданова Баярма Батоевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
samdan@list.ru

© Будаева Эвелина Владимировна

магистрант,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
budaeva_e89@mail.ru

Аннотация. В статье на основе формально-юридического анализа выявлены актуальные проблемы реализации уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих правовой статус личности при применении судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве. Подчеркивается, что несмотря на то, что Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию и тем самым приняла на себя обязательство привести отечественное законодательство в соответствие с ее правовыми положениями, в настоящее время не представляется возможным утверждать наличие действенного механизма гарантий реализации стандартов, предусмотренных Европейской конвенцией, в отечественной практике применения видео-конференц-связи. Основная задача состоит в формировании системы действенного механизма уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих реализацию правового статуса личности при применении судом видеотехнологий, а также достоверность информации при применении судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве, видеотехнологии, видео-конференц-связь, дистанционное судопроизводство, цифровое судопроизводство.

Для цитирования

Самданова Б. Б., Будаева Э. В. Анализ актуальных проблем реализации уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих правовой статус личности при применении судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2023. Вып. 3. С. 29–34.

Назначение уголовного судопроизводства исходя из буквального толкования ст. 6 УПК РФ может быть условно поделено на две подзадачи: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения

ее прав и свобод. Достижению назначения уголовного судопроизводства способствуют уголовно-процессуальные гарантии прав лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Вопросам гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве посвящено значительное число научных исследований представителей отечественной уголовно-процессуальной доктрины [2, 5–6].

Вместе с тем, несмотря на достаточную степень научной разработанности института уголовно-процессуальных прав личности в уголовном судопроизводстве, представляется важным отметить, что применительно к их реализации в условиях цифровизации уголовного судопроизводства по-прежнему имеются отдельные пробелы, нуждающиеся в устранении.

В контексте изложенного представляется справедливой точка зрения И. П. Поповой относительно того, что «в условиях современной цифровизации уголовного судопроизводства объективно необходимым является формирование действенного механизма уголовно-процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства и иных лиц и организаций, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства» [7, с. 4].

Проведенный формально-юридический анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства позволил прийти к выводу о том, что правовые положения, регламентирующие основания и процедуру применения видеотехнологий в уголовном судопроизводстве, бессистемны, размыты и не отличаются четкостью изложения. Приведенные обстоятельства на практике порождают проблемы в их применении и, как следствие, приводят к нарушению прав и законных интересов лиц и организаций, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Правовую основу формирования системы уголовно-процессуальных гарантий прав личности в процессе применения судом видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве составляют правовые положения, содержащиеся в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция)¹.

Несмотря на то, что Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию и тем самым приняла на себя обязательство привести отечественное законодательство в соответствие с ее правовыми положениями, сегодня не представляется возможным подтвердить наличие действенного механизма гарантий реализации стандартов, предусмотренных Европейской конвенцией, в отечественной практике применения видео-конференц-связи.

В силу ограниченности объема исследования рассмотрим лишь некоторые возникающие в правоприменительной практике актуальные проблемы реализации уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих правовой статус личности при применении судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

Первая проблема, имеющая место при реализации уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих правовой статус личности при применении судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве, состоит в отсутствии правовой определенности в вопросе об основаниях применения видео-конференц-связи на этапе судебного разбирательства по уголовному делу.

В связи с этим представляется справедливым замечание Е. А. Артамоновой относительно того, что «исходя из буквального толкования 278.1 УПК РФ допрос свидетеля (потерпевшего) может проводиться с применением видео-конференц-связи лишь в случае наличия объективных препятствий к их явке непосредственно в зал судебного заседания» [3, с. 15].

С формально-юридической точки зрения также возникает вопрос о том, требуется ли для реализации обозначенной в части 1 статьи 278.1 УПК РФ процедуры учет мнения сторон, предшествующий принятию судьей процессуального решения о применении видео-конференц-связи.

Решение обозначенной проблемы видится нам в установлении в отдельной статье УПК РФ исчерпывающего перечня правовых ситуаций, при возникновении которых допускается применение видео-конференц-связи. Представляется, что подобная законодательная новелла позволит установить гарантию того, что будет исключена произвольная возможность применения опосредованной формы участия в судебном разбирательстве, зависящая исключительно от судебного усмотрения.

Еще одна проблема, имеющая место при реализации уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих правовой статус личности при применении судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве, состоит в допросе по видео-конференц-связи лиц, имеющих дефекты зрения, слуха и речи, которые могут возникнуть как в случае дистанционного участия обвиняемого, страдающего соответствующими заболеваниями, так и иных лиц или же дистанционном нахождении обвиняемого.

Проведенный формально-юридический анализ положений действующего уголовно-процессуального законодательства позволил прийти к выводу о том, что в нем отсутствуют нормы, устанавливающие особенности механизма проведения допроса лиц, имеющих дефекты зрения, слуха и речи, в обычном судебном заседании. Учитывая приведенные обстоятельства, следует отметить, что применение видео-конференц-связи при допросе таких лиц не меняет правовой ситуации, как следствие, он может проводиться в соответствии с общими правилами.

Вместе с тем в отечественной уголовно-процессуальной доктрине ставится вопрос относительно того, «не происходит ли вследствие применения системы видео-конференц-связи нарушение права участников уголовного судопроизводства с дефектами зрения, слуха и речи» [1, с. 12].

По мнению большинства представителей отечественной уголовно-процессуальной доктрины, «допрос лиц, обладающих различными дефектами восприятия (речи, слуха, зрения), является допустимым. Производство такого допроса существенно упрощается вследствие возможности применения субтитров, сурдоперевода и др. при условии присутствия соответствующего специалиста, причем как непосредственно в судебном заседании, где рассматривается уголовное дело, так

и около допрашиваемого, который участвует в рассмотрении посредством видео-конференц-связи» [4, с. 571].

Как справедливо отмечает Е. В. Селина, «в каждой отдельной правовой ситуации возможность проведения допроса лиц, имеющих дефекты речи, слуха и голоса, посредством видео-конференц-связи подлежит разрешению судом» [8, с. 13].

Следующей проблемой является вопрос о том, где должен находиться защитник (представитель) участника уголовного судопроизводства — подсудимого (потерпевшего) — в судебном заседании посредством видео-конференц-связи.

Полагаем, что потребность в присутствии защитника (представителя) подсудимого (потерпевшего) в зале судебного заседания не подлежит обсуждению вследствие того, что это является гарантией полноценного участия в оказании квалифицированной юридической помощи. Подобный подход должен быть применим и в отношении обеспечения взаимодействия подсудимого (потерпевшего) с переводчиком, экспертом и специалистом [9, с. 88].

Следующая проблема заключается в реализации прав лица, принимающего дистанционное участие в уголовном судопроизводстве, на участие в доказывании по уголовному делу. Обозначенное право может быть нарушено, в частности, вследствие невозможности исследования предметов и видеозаписей, а также представления всех доказательств, которые обладают овеществленной формой (предметов, фотографий, рисунков, аудио- и видеозаписи и т. п.). Так, лицо, принимающее дистанционное участие в судебном разбирательстве, лишено объективной возможности взять в руки орудие преступления, рассмотреть его вблизи, ознакомиться с его деталями, идентификационными признаками.

В приведенных обстоятельствах применение видео-конференц-связи ставит подсудимого перед необходимостью приобщения полученных им предметов и документов до судебного разбирательства, что приводит к раскрытию имеющихся у него доказательств стороне обвинения, все это в отдельных случаях нецелесообразно с точки зрения тактики защиты. Также в отдельных правовых ситуациях подсудимый вынужден передавать предметы и документы посредством третьих лиц, например защитника. Подобный подход также приводит к нарушению права подсудимого на представление доказательств, а равно право на защиту, что подсудимый может осуществлять самостоятельно.

Определенные трудности имеют место в правовой ситуации, когда право на предоставление дополнительных доказательств реализуется подсудимым, который содержится под стражей и принимает дистанционное участие в производстве по уголовному делу. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает каких-либо ограничений на реализацию вышеназванного права и представляется недопустимым. Таким образом, обозначенное право подсудимого должно быть обеспечено процессуальными гарантиями. Имеющийся в этой части законодательный пробел подлежит устранению.

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине предложено несколько способов решения существующей проблемы. Вместе с тем, как показал проведенный анализ научной литературы, ни один из предложенных способов не будет способствовать эффективному разрешению обозначенной проблемы.

Сходная проблема имеет место и в правовой ситуации, связанной с правом участника уголовного судопроизводства на дистанционное заявление письменных ходатайств и отводов. Такая возможность отсутствует, а обозначенное право может быть реализовано только в устной форме.

В заключение представляется важным подчеркнуть, что в условиях современной отечественной правовой действительности отмечается объективная необходимость в формировании на основе комплексного системного подхода эффективного механизма реализации правового статуса личности в случае применения судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве, что требует разрешения обозначенных проблем и устранения имеющих место пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве.

Литература

1. Алексеева Л. Б. Видео-конференц-связь в суде: технические проблемы решены, остались процессуальные // *Российская юстиция*. 2000. № 6. С. 12–16. Текст : непосредственный.
2. Апостолова Н. Н. Система гарантий прав и свобод граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 3–7. Текст : непосредственный.
3. Артамонова Е. А. Отдельные проблемы производства допроса свидетеля и потерпевшего путем использования систем видео-конференц-связи в современном уголовном процессе // *Администратор суда*. 2012. № 1. С. 14–17. Текст : непосредственный.
4. Астафьева А. А. Проблемы применения видео-конференц-связи на судебных стадиях уголовного судопроизводства // *Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей*. 2017. С. 570–573. Текст : непосредственный.
5. Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 8. С. 155–163. Текст : непосредственный.
6. Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И. Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // *Современное право*. 2019. № 3. С. 42–46. Текст : непосредственный.
7. Попова И. П. Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // *Мировой судья*. 2019. № 11. С. 3–14. Текст : непосредственный.
8. Селина Е. В. Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы // *Администратор суда*. 2016. № 3. С. 12–15. Текст : непосредственный.
9. Юркевич М. А. Акты Европейского союза, регулирующие статус потерпевшего: динамика развития // *Фестиваль права: сборник трудов всероссийского молодежного форума (г. Ставрополь, 17–18 декабря 2015 г.) : в 2 частях / под редакцией М. С. Трофимова*. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. Ч. 2. С. 54–61. Текст : непосредственный.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 10.10.2023.

ANALYSIS OF THE CURRENT PROBLEMS OF IMPLEMENTING
CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES THAT ENSURE PERSONAL LEGAL
STATUS WHEN THE COURT APPLYS VIDEO TECHNOLOGY
IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Bayarma B. Samdanova

Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Sukhe-Batora St., Ulan-Ude 670000, Russia
samdan@list.ru

Evelina V. Budayeva

Cand. for a Master's Degree,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Sukhe-Batora St., Ulan-Ude 670000, Russia
budaeva_e89@mail.ru

Abstract. Based on formal legal analysis, we have identified the current problems of implementing criminal procedural guarantees that ensure personal legal status when the court applies video technologies in criminal proceedings. It is emphasized that despite the fact that the Russian Federation has ratified the European Convention and thereby assumed the obligation to bring domestic legislation into compliance with its legal provisions, at present there is no an effective mechanism for guaranteeing the implementation of the standards provided for by the European Convention in the domestic enforcement practices of using video conferencing. So, there is a need to create an effective mechanism of criminal procedural guarantees that will ensure the implementation of personal legal status, as well as the reliability of information when the court applies video technologies in criminal proceedings.

Keywords: guarantees of individual rights in criminal proceedings, video technologies, video conferencing, remote proceedings, digital proceedings.

For citation

Samdanova B. B., Budayeva E. V. Analysis of the Current Problems of Implementing Criminal Procedural Guarantees that Ensure Personal Legal Status when the Court Applies Video Technology in Criminal Proceedings. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2023; 3: 29–34 (In Russ.).

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 10.10.2023.